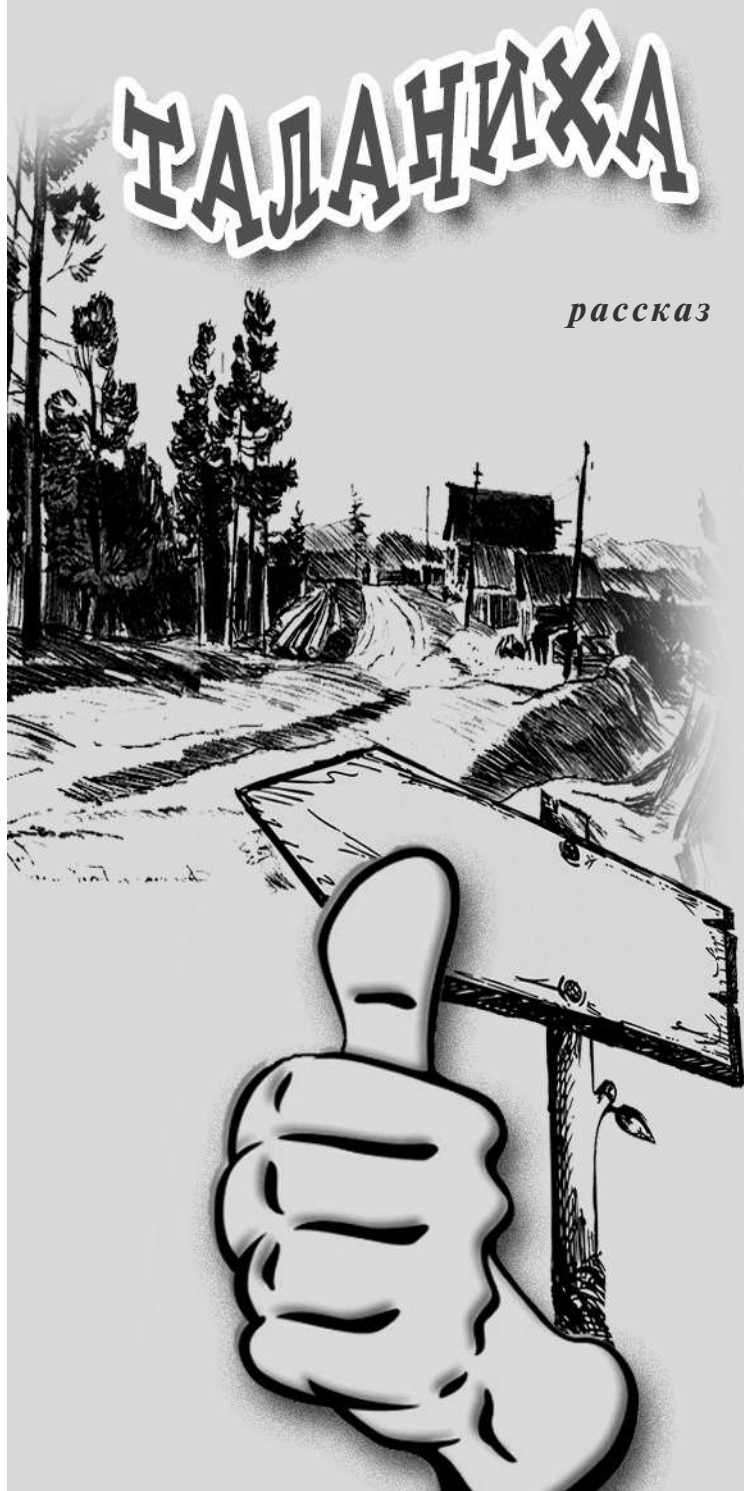

Александр
ЦЫГАНОВ

г. Вологда

ТАДАНИХА

рассказ

Памяти В.И. Белова

В небольшой деревушке, в стороне от главной дороги, летнее утро: солнечно, свободно, безветренно. В просторной светлой избе, что с краю деревни, сидела за кухонным столом старая Катерина Глебовская и вприхлёбку пила чай из блюдечка. И вскоре увидела через раскрытое окошко, как её загородой, которую она окашивала с утра, быстро, будто восвояси, пробрался чужой толстый мужик.

Почувяв неладное, Катерина выглянула на волю, а тот уже и с глаз долой пропал. Старуха с оханьем поднялась, чтобы из передней поглядеть, куда это молодец посвистал. А он уже тут как тут — в дверь, не торкнувшись, без спроса вошёл. Стоит, только что притолоку головой не подпирает: набычился, борода — лопатой, у самого носа два круглых бойких глаза, в майке и трусах до колен цветных, ноги, будто тумбы, все волосатые, вдобавок ещё в тапках кожаных без носков.

— Чего тебе, милоч? — немного оробев, спросила Катерина. Согнутая, в линиялом ситцевом платье, она была этому гостю еле не по пояс. — Воды надо или избой обознался?

— Да мы, бабка, реставраторы, — неожиданно тонким голосом ответил парень, а сам по стенкам нет-нет да и зыркнет, даже в большую комнату хотел без хозяйки двинуться, но на дороге была Катерина и не думала отступить.

— Реставраторы мы, — снова повторил он. — Иконы ходим реставрируем, лучше делаем, — незванный гость только не выпевал. — А то и купить можем. Денег-то надо, бабушка?

— А кому они не нужны, — смиренно ответила Катерина. — Да только продавать-то у нас нечего. А если воды не надо, так иди, батюшко, куда шёл: мне сено грести пора. Иди с богом.

— Ну, смотри. — Парень шумно вздохнул и отправился восвояси; в коридоре, слышно было, приложился головой о дверной верхник и крепко выругался, после скоренько слетел вниз.

А Катерина не на шутку встревожилась. Она вспомнила, как в прошлом году, зимой, тоже шастали в этих краях какие-то гости. Пошныряли они по деревне, а потом в избе у Миши

Дёмушки пропали иконы, а ещё не стало медного самовара вместе с домоткаными половиками. Самих-то хозяев давно уже не было на белом свете, только летом из города детки сюда наезжали.

А теперь опять какие-то чужие с утра пораньше ходят-шерстят... Говорят, сделают так, что иконы станут лучше, чем были, да где это видано?

Катерина, ойкнув, не пошла огребать сено, как задумала, а напрямик, на всякий случай затворив дверь палкой, наладилась навестить Анюту Мишкину.

Солнышко на улице жарило во всю ивановскую, в воздухе, не утихая, палило зноем, а толстая бархатная пыль жёлтым покрывалом лежала на земле, и пара рябых куриц, вспархивая, пыталась в неё зарыться и отдохнуть, но у них не хватало пороку.

Катерина проворно надвинула на глаза платок и заросшей тропкой выбежала из своего заулка, вгустую затянутого иван-чаем, а по дороге встретила товарку, которая с коромыслом и вёдрами направлялась к колодцу за водой. Она пересказала Анюте Мишкиной всё, что знала, а в горячке и от себя лично кое-что скороговоркой добавила.

Анюта, ещё бедовая и сухожильная, но робкая отроду, захваталась за голову уже на середине рассказа, собираясь обратно, но скоро вернулась, качая головой.

А из-за дома, где этим летом жил городской Витька-офицер, появилась ещё одна деревенская старуха, Лидия Аропланиха, ходкая, скорая на ногу. Следом катил велосипед десятилетний, в конопушках, внучонок Сашка, гостивший у бабки все каникулы.

Оказалось, что и у Лидии Аропланихи были непрошенные гости, так же уговаривали показать иконы. С толстым круглоглазым парнем был, тоже в трусах и майке, ещё один здоровый мужик. Это полушёпотом поведала Лидия своим подружкам, то и дело оглядываясь по сторонам.

— А я ихнюю машину видел, — вдруг выпалил десятилетний Сашка. — Она у скотного двора стояла.

Старухи вперегонки кинулись к парню за разъяснениями. Но толку особого не вышло:

тот лишь добавил, что видел собственными глазами, как эта «Тойота» уехала обратно.

— Вот что, бабы, — сказала тогда Лидия Аропланиха, — как ведь дьяволы уехали, так и вернуться. Это они узнавали всё. Про нас-то. Есть ли что в домах. Да кто живёт. Мало им, бесам, зимусь всё у людей повытаскивали, теперь и при ясном дне уже папоротки распускают. Не к добру это, ой, не к добру.

— Ну-ко, Сашка, — она дёрнула внука за ухо. — Садись вон на лисапед свой да едь до центральной-то усадьбы и этим милициям там позвони. Всё обскажи. Гляди, не забудь чего у меня.

— Ладно, — буркнул внук.

Он проворно забрался на велосипед и понёсся с горушки на большую дорогу. Задание парню явно понравилось, и он даже ненароком едва не задел валявшийся с давних пор возле обочины указатель с названием деревни.

Выворачивая на дорогу, Сашка несколько раз вильнул рулём, затем, отдуваясь и переваливаясь на раме, с усердием закрутил педалями в сторону центральной усадьбы.

А старухи всем гамбузом направились в избу к Катерине Глебовской. Лидия Аропланиха ещё по дороге забежала к единственному деревенскому мужику Ване-Лейте, прозванному так с холостяцких лет. Было, допётся — шевелиться нет сил, а всё равно ещё охота, вот и кричит: «Лейте, лейте!»

Прозвище так и осталось, хотя Ваня — давно уже Иван Иванович — и ныне, не обращая особого внимания на возраст, каждый сезон поддежуривал в соседней деревне на ферме, а в остальное время помогал своим старухам по хозяйству.

Вскоре все сидели у Катерины на кухне, чаёвничали. Во главе стола был сам Ваня, высокий синеглазый старик с лысой головой. Он выглядел недовольным: привык в жару чашик-другой вздремнуть. Но он же и надоумил старух, как надо делать дело.

— Оне, верно, опять придут. Не сегодня, дак завтра. Не сойти с этого места, — откашлявшись, заявил Ваня. — Вот что, бабы, а надо кучей всем держаться, скопом. Пять домов в деревне, а раз в месяц друг с дружкой поздоровкаемся. А на эту милицию жданки малы. Да вон

бы ещё Витьку-офицера на подмогу-то кликнуть. Он парень провористый.

Старухи, переглянувшись, громко, вслух стали вспоминать Витьку-офицера. Выяснилось, что тот впервые появился в деревне с год назад, но до сих пор о нём ничего толком не знают: из дома почти не выходил. Старухи считают, пьёт много, вот и на улицу не показывается.

Та же Лидия Ароплиниха быстренько скомкала в руках выдавший виды передник, прежде баской — в цветках, а с некоторых пор штопанный-перештопанный:

— Пораз, бабы, видела в огороде, не от ума худой: волосы экие беленькие, одна кожа да кости на мужике, а вся животина стойно боронной проехана, куда и с добром.

Для деревенских жителей яснее ясного, что вернулся Витька-офицер с недавней войны. Зачем ещё тогда человеку всё время ходить в военных штанах и высоких зашнурованных ботинках, даже в жару? Правда, грех обижаться, со всеми мужик обязательно поздоровается, но к разговорам не пристаёт. Оттого его немного и опасаются. Но сейчас, может, без него и не обойтись. Поэтому от имени схода Катерина Глебовская и наказала Ване-Лейте:

— Иди, Ваня, ты как-никак тоже мужик, — поладите. Позови самого-то сюда, лишняя подмога не помешает...

Старик без слов встал из-за кухонного стола и ушёл выполнять поручение, а старухи, оставшись в одиночестве, опять поставили самовар.

На кухне было тихо и прохладно, в самой избе свободно гудели вечерние мухи, по-хозяйски летая из комнаты в комнату, а в переднем углу в паутинной мохнатой сетке уныло торчало старопрежнее радио, умолкшее само по себе уже бог знает сколько времени.

Все к этой поре мало-мальски пришли в себя. Во-первых, прибывший внук Лидии Ароплинихи Сашка доложил, что начальство он оповестил и там, как поосвободятся, обещали выслать наряд для проверки.

У парнишки, радёшенькому от выполненного поручения, рот до ушей и трещит как сорока. Потом убрался кататься на велосипеде, наскоро пережёвывая выданный своей бабкой магазинный пряник.

Обнадёжил и вернувшийся Ваня, скупко сообщив, что Витька-офицер согласился заглянуть на огонёк.

— Будет, бабы, мужик, — уважительно кивнул он лысой головой, — этот не обманет.

Потихоньку всё кругом успокаивается. В воздухе заметно посвежело, и пахло вечерней росой, в деревенском озере то и дело слышались заманчивые всплески играющей рыбы, а сразу за домами, возле близкого леска, розовело и меркло небо, медленно угасая; откуда-то со стороны центральной усадьбы изредка доносились, как если бьют по наковальне, ржавые монотонные звуки.

Тем временем деревенские жители уже справились с задуманным как следует. Сначала они долго спорили, где положить вилы, тяпки и грабли, чтобы в нужное время всё оказалось под рукой, — после будет поздно.

А Ваня-Лейте, выворотив из огорода, возвратился с большим осиновым колом. Единогласно было решено, что в избе весь инвентарь оставлять нельзя, ежели дойдёт до дела. Потому приготовленное уложили прямо возле крыльца Катеринино дома.

Все понимали, что сегодня у них, не дай бог, и до беды недолго, да только дальше своего дома деться некуда: теперь уже будет как будет. А ждать незваных гостей можно именно с этой стороны: всё видно ровно на ладошке. И мимо не проскочат, если на самом деле кому-то в ум взбрёт ехать сюда.

Старухи дули уже не первый самовар, немного успокоенные, потому что у крыльца на низкой лавке, заросшей пыльным подорожником, сидели и курили городской Витька с дедком Ваней.

Витька-офицер, крепкий, белобрысый, с хрящеватыми прозрачными ушами, сначала зашёл в избу и, как деревенский, запросто поздоровался со всеми, а потом мужики ушли смолить.

Со старухами остался лишь внук Лидии Сашка и от безделья играл с кошкой: дразнил её, подергивая верёвочку с привязанным на конце цветным фантиком, но кошка не поддавалась на обман, а только лениво жмурилась, хитровато поглядывая на горожанина.

Сашке надоело баловаться в избе, и он выбе-

жал на волю, но скоро заскочил обратно, крикнув, что в деревню едет машина.

Все старухи будто разом обмерли. Смирная Анюта Мишкина, как от тычка, даже с хлоппаньем еле не ткнулась в блюдечко с горячим чаем, захваталась за клеёнку на столешнице.

— Едут, едут! — неизвестно чему ликуя, подпрыгивал Сашка. — Машина что и утром была. Вон она, вон она!

У Лидии Аропланихи хватило ещё соображения глянуть из окна — не ушли ли куда мужики по надобности?

Но Витька-офицер уже встал и неторопливо, стойно¹ спросонья, потягивался, а Ваня, приставив ладошку к глазам, вглядывался на приближающуюся в лёгкой вечерней пыли машину.

В просторной кухне хозяйской избы, справа от русской печки, в углу крепко держится старинная икона Спасителя. Она тут с незапамятных времён, несчитаное количество десятилетий передаётся по наследству от дедов и прадедов. На своей памяти Катерина Глебовская сюда и на дух близко никого не подпускала. Говорит, не для безделья её здесь держат, не игрушка, чтобы глаза всем мозолить, ещё смолоду строга была хозяйка.

— Господи, благослови! — Торопливо перекрестившись на золотящуюся в кухонном углу тёмную икону, Катерина оглянулась на товарок, и старухи одна за другой тихонько потянулись на выход.

Они осторожно спустились с высокого крылечка и сели на лавку у дома: чему не хотелось верить — случилось, и происходило ровно в забытии или тяжёлом сне. Бабы смирно сидели, сложив на передниках раздавленные работой руки и глядя перед собой.

Машина, тёмно-синяя, сверкающая, плавно покачиваясь, что лодка на волнах, остановилась напротив Катериного дома, бесшумно распахнулась дверца, и оттуда на землю твёрдо ступила крупная волосатая нога в кожаной тапке.

Вылез и сам парень, утрешний, с узко поставленными бойкими глазами, борода — лопатой.

— Ещё раз, — весело крикнул бородатый, — всем привет на сто лет!

— Доброго здоровьяца, — по-хорошему откликнулся дедко Иван. Он по-прежнему из-под

ладони наблюдал за происходящим, не двигаясь с места.

Следом за первой дверцей открылись и остальные. На улице оказались четыре человека, все молодые мордатые мужики, одетые под стать бородатому весельчаку.

И тут из кабины неожиданно появился ещё один человек. Он был не таковский, как остальные гости: в белоснежном дорогом костюме, в рубашке с блестящим галстуком и в узеньких очках, за которыми не видно глаз, а широкие скулы, недобро выделяясь, охватывала злая, в завитушках, щетина недельной непробритости.

— Что, бабы, — по-прежнему весело бодрился бородатый парень, — как с иконами-то? Мы ведь помочь хотим.

На деревенских мужиков он глянул равнодушно, как на пустое место, мол, это ещё что за сбоку припёка.

— Зря отказываетесь, — не отставая, напирал бородач и хитро подмигивал. — У вас икон много, солить их, что ли? А мы денег дадим ещё больше. Хоть завались!

Старухи на скамейке переглянулись между собой. Но тут Лидиин Сашка подбежал было к машине, и Аропланиха, заводив длинным белым носом, зашипела рассерженной гусыней и погрозила парню кривым согнутым пальцем. Мол, смотри у меня, не балуйся без разрешения.

Бородач, восприняв эти действия как угрозу, изменился с лица:

— Бабки, — пожимал он бугристым кулаком. — Реставратор шутить не любит! — И глазами на этого в очках опасливо показал, а после запустил свою лапу в бороду: мошкара, вися столбом, липла и не давала покоя. И поскрёб всего ничего под шерстнатым горлом, а борода возьми да отпади — липовая оказалась!

— Господи, — едва не в голос всполошились старухи. — Отведи, боженька!

— А ведь нарушат нас, — поднимаясь, вдруг заголосила обо всём догадавшаяся Лидия Аропланиха. — В нашей-то деревне. За тем и приехали!

¹ Стойно (вологодск.) — подобно, словно.

Но сейчас только двое здесь знали — лишь два человека по-настоящему понимали, чем может всё закончиться, если один другого не опередит: Витька-офицер и чёрный молчун в очках, на которого показывал бывший бородач.

С самого начала они исподволь, незаметно приглядывались друг к другу и, в какой-то момент встретившись взглядами, всё поняли, что надо было понять. Ясней некуда, что пути у таких людей обычно пересекаются там, где многое решается вовсе не при помощи мирных переговоров.

Молчаливый уже сунул руку во внутренний карман белоснежного пиджака, но Витька, опередив, ткнул пальцем куда-то за его плечо и крикнул:

— Этот с тобой?

Молчаливый главарь в злой, завитушками щетине маленько повёл головой, но Витьке-офицеру и этого хватило за глаза и уши. Вдруг выбросив перед собой руки и подтянув ногу, он в тот же миг неувовимо её выпрямил: неведомая сила хрястнула молчаливого о машину, даже очки слетели на землю.

Старухи на лавке голосили, будто бы на них клином сошёл свет, сбились в кучу. А в это время Ваня-Лейте, до которого, наконец, дошло, что дело пахнет керосином, без раздумий хватил приготовленный кол и, размахнувшись им, молчком направился к стоящим у машины мужикам.

Похоже, незванные гости немного растерялись. Видно, происходящее никак пока не укладывалось в буйные головушки приезжих, наверное, немало повидавших в свои ещё молодые годы.

Они еле-еле успели примостить поверженного молчуна на ноги, и того мотало из стороны в сторону, поэтому он одной рукой держался за скользкий машинный бок и тряс головой, приходя в себя.

И тут вдруг с лавки, поднявшись в полный рост, стали надвигаться на них, вооружённые граблями, тяпками и вилами, простоволосые деревенские старухи. Они уже очнулись и шли без слов, спокойно, решительно, готовые, если не дай бог доведётся, стоять насмерть, до конца.

Приезжие, неуверенно подхотывая, заперглядывались, толкая друг друга в бок локтя-

ми. Они и правда не знали, что теперь делать, ведь не отбивать же почки у этих деревенских развалюх, из которых и без того песок сыплется.

Липовый бородач первый, кашлянув, отодвинулся. За это время никто не произнёс ни слова — ни с той, ни с другой стороны.

— А-а-а! — внезапно закричала Катерина Глебовская и бросилась с вилами наперевес прямо в медленно отходящую кучу чужих гостей: те и сами не заметили, как начали слегка тесниться.

А старуха тыкала и тыкала вилами перед собой, глядя широко открытыми, ничего не выражающими глазами и не переставая кричала, как будто уже предсмертно, как это делают лишь женщины в нестерпимую жуткую минуту.

Тут приезжим действительно стало не по себе. Один из них скрипнул зубами и, стуча кулаком о кулак, со свистом сплюнул в сторону.

А недавний бородач, утрашающе топнув ногой, словно из пистолета, в упор прицелился в людей знатным указательным пальцем:

— Стоять, — зарылся он во всю глотку, закатывая круглые глаза, — иначе всех здесь и завалим! — Видно, на испуг хотел напоследок взять взбунтовавшихся невпопад стариков, но не тут-то было.

Не на шутку разгорячённый, с трясущимися руками, Ваня-Лейте больше времени даром не терял. Не раздумывая, он со всего размаха шмякнул колом как его душеньке угодно, но получилось мимо. Кол плашмя попал в землю, а сам Ваня, не удержавшись, сунулся следом. Но сразу оказался на ногах и, пригнувшись, как в бою, бросился вперёд.

Кажется, парни уже и взаправду ничего не понимали. Просто им в голову не приходило, что именно сейчас делать. Поэтому, развернувшись, боком, они медленно потянулись к леску; сначала как бы ускоренным шагом, играючи и нехотя, но ничем необъяснимый страх, бодро настраивая на здравые размышления, подгонял их, направляя к близкому спасительному леску.

Впереди держался молчаливый «реставратор» в белоснежном костюме, нынче изрядно запачканном после принудительного падения на пустой деревенской улице. Он на ходу опять попытался что-то выдернуть из внут-

ренного кармана, но Витька-офицер, бежавший с края легко и пружинисто, не подкачал и здесь — не из той породы. Подпрыгнув, он стремительно достал ногой хребтину «реставратора», и тот, кувырнувшись, вновь оказался на своих двоих и припустил так, что даже обогнал личный состав подчинённых.

— А-а-а! — неотступно выла Катерина Глебовская, стремящаяся вперёд с вилами наизготовку. Не отставали от неё и Лидия с Анютой. Рядом, припадая на ногу, верным оруженосцем продвигался дедко Ваня, а кол он теперь держал совсем как винтовку, наперевес, из рук не выпустит.

«Реставраторы» толпой, как бы в шутку, добежали до опушки леса, а дальше, негромко матерясь, скрылись от греха подальше в самой чащобе, попав в непроходимый бурелом, над которым грозной тучей вяло колыхались полчища гнуса, в мгновение ока поглотившие беглецов.

Догоняющие остановились. Оказалось, что, кроме Витьки-офицера, все подчистую выбились из сил. Анюта Мишкина, которой вовсе было невпродых, только махала рукой, выговаривая: «Ой, Господи-батюшко, ой, спаси-сохрани!..»

А дед Иван, опершись на свой кол, безразлично поглядывал в сторону леска, тяжело дыша, — не прежние годы.

Рядом Лидия Аропланиха отваживалась с Катериной Глебовской: что-то ей шептала, заодно потихоньку вытаскивая вилы, которые подружка продолжала держать намертво.

Только Витька-офицер, притопнув каблук, деловито расчистил землю своим литым военным ботинком, а после отошёл туда, где подшиб главаря, как раз возле пруда, покрытого пленчатой зелёной тиной.

Словно ничего и не произошло, он спокойно попинывал кочки, внимательно исследуя место вокруг сражения. Затем, наклонившись, поднял что-то сталисто блеснувшее и с лёгким прищуром повертел в руках, после, не раздумывая, бросил находку в пруд — лишь сбулькало.

А ополченцы, сопровождаемые Ваней, охая и причитая, возвращались обратно к себе домой.

— Пойдём, Витя-батюшко, хоть чаю поставим, — слабым голосом позвала по дороге Катерина Глебовская, и у всех поднялся дух: слава богу, наконец-то баба заговорила, как все добрые люди.

Возле машины приехавших столбиком стоял конопатый Лидиин Сашка и, отворив рот, изумлённо смотрел на деревенских жителей. Казалось, он на время лишился дара речи при виде того, что произошло на его глазах.

И Витька-офицер неизбежно и легонько возьми да подщёлкини Сашке под подбородком — как это у него ладно вышло?

Дедко Ваня снова сложил весь сельхозинвентарь возле крыльца, и все поднялись в избу. А пока шли, по дороге решили, что ночью на всякий случай не надо спать: в любое время сюда могли вернуться из леса любители старины.

— Наше дело такое, — степенно молвил Ваня-Лейте, — не привыкать, отдежурим. На том свете вдосталь налёжмся.

Ночь, белея ромашками, стояла тихая и тёплая: затянутый дымкой бледно-голубой свет бережно окутывал деревню, и она точно парила, недосыгаемая, в воздухе, а тишина была такая, что слышно, как всплескивает вода в самой низине деревни в маленьком, блюдечком, озерке, которое можно за несколько минут свободно переплыть туда и обратно.

Все деревенские снова расположились на просторной хозяйской кухне. Катерина Глебовская, включив свет, достала из кухонного, засиженного мухами шкапа зелёную бутылку и молодцевато — экое диво! — со стуком водворила посреди стола:

— Ну-ко, Ваня, распечатьвай давай: за тобой в этом деле ровни не водилось!

Но тот всех удивил, отказавшись от дармовой водки:

— Не, бабы, сёдни не в то горло полезет.

Да и верно, не стал прикладываться.

А Витька-офицер даже чаю не захотел: что-бы за дорогой пригляд был, к окошку в переднюю комнату собрался. Тут Лидия-то Аропланиха — до чего у бабы язык долгий! — возьми и скажи Катерине:

— Откуда у тебя и взялось, девка: гли-ко, ведь чуть городских гуляк совсем не нарушила. Мы и то перепугались.

Катерина Глебовская помолчала, а потом и говорит тихонько:

— А я, бабы, и верно думала, что Якова-то своего спасу, успею.

— Ково? — прихлопнула себе ладошкой лицо Анюта Мишкина. — Господь с тобой, матушка, ведь твой-то хозяин ещё в курском огне сгорел, что ты!

— А вот верьте нет, бабы. — Катерина, низко повязав, поправила ситцевый, в красную горошину платок, потом виновато улыбнулась всем своим маленьким коричневым личиком. — Будто сама война и приблазнила вяжи, и мой Яков, покойная головушка, там один-одиошёнёк, а его какие-то незнакомые, все страшные такие, окружают да окружают. Ведь из памяти меня вышибло, в глазах отемнело, уж не держите обиды-то, сама не рада...

У подружек и отлегло на душе. Лишь Лидия Ароплина, не удержавшись, подтвердила со вздохом:

— А война что как не война идёт: горит всё кругом синим огошком, это Господь за грехи наши горемычные наказывает.

Витька-офицер, опустив голову, скоро вышел в переднюю комнату и сел к окну. Никому не ведомо, какие он думы думал этой бессонной летней ночью под законный стрекот кузнечиков и тихий шёпот зелёной травы.

Только под его острым кадыком порой сухо шёлкало, да какая-то нетерпимая, идущая изнутри немочь сводила иногда шею, и она мелко, напряжённо и долго подергивалась, туманя глаза и уводя от слуха затихающие разговоры стариков, дружно укладывающихся на ночёвку прямо на большой Катериной кухне. Ещё его выводила из себя капающая из самоварного крана вода, вбивая в голову раскалённый невидимый гвоздь...

Наверное, и домучили Витьку-офицера эти калёные боли. Он подзабылся то ли долгим, то ли коротким сном, но очнулся вдруг: где-то за околицей ворчливо буркнула машина.

Витька лихорадочно потряс головой и, морщась, глянул на свои наручные со светящимся циферблатом: лечь — не встать, ведь утро! А за окошко-то, наклонившись, сунулся: нет машины городской, как приснилась.

Он мгновенно, по-кошачьи, вспрыгнул на

ноги и на цыпочках вынесся из избы, мельком глянув на кухню: там вповалку приткнулись под образами на лавках те, кто ещё накануне едва не лишился последних годков жизни и спавшие теперь без задних ног, а десятилетний Сашка посвистывал носом на русской печке, подложив под голову кулачок.

Витька-офицер, пригнувшись, неслышно обежал вокруг избы и, выскочив на середину улицы, с ходу всё понял: безрадостные ценители древности, верно, дождавшись, когда в деревне заснут, и явно покусанные до необходимости вздутостей полчищами гнуса, уже не мечтали о какой-то мести.

Они просто спасали — кáтом спровадили — свою машину вниз с горушки, а дальше, до дороги, видать, из благоразумных соображений, дотолкали её руками, после чего их след и простыл. А что это тогда уркало с той стороны, куда они уехали, — может, всё-таки вернуться решили? У этих отморозков ума хватит, народ известный: без царя в голове, всего видали-перевидали.

И Витька, энергично растирая ладошку о ладошку, привычно стал разогревать руки. Он решил встретить это уркающее подальше от деревни, по дороге к центральной усадьбе, и всё будет как надо.

Но Витька-офицер не добежал какого-то десятка метров до брошенного указателя с названием деревни, чтобы здесь, как полагается, и встретить приезжих, как опять уркнуло, — не ослышишься. Может, гром гонит? А что, дальше уже дышать нечем, столько времени с неба палит напропалую. Но нет, со стороны центральной усадьбы навстречу ему, коробчато подпрыгивая, бойко бежала, выражаясь по-современному, полицейская машина, поднимая утрешнюю светлую пыль.

Витька-офицер медленно поднял руку. Он стоял посреди дороги, широко расставив ноги в высоких шнурованных ботинках, — крепкий, уверенный, безоглядно надёжный.

— Э, мужик! — высунулась из окна тормозившей машины рыжеволосая голова водителя. — Дело пытаешь али от дела лытаешь?

Витька не стал объясняться с красноречивым водителем, даже не глянул в его сторону. Поговорил он, да и то вполголоса, с вышедшим на

волю капитаном, в чём-то неуловимо напоминающим самого Витьку. Такой же спокойный, крепко сбитый, немногословный.

Тот слушал, покачивая головой, раз даже неверяще хмыкнул, но после они перекурили и за ручку попрощались; полицейская машина, развернувшись, лихо укатила в обратном направлении.

Оставшись один, Витька раздумчиво постукал носком ботинка по сухой, в мелких камнях земле — напротив, едва не на обочине, вверх тормашками валялся указатель с названием места.

Деревенский заступник, расправив плечи, с удовольствием, до хруста потянулся и, зевая, будто по привычке, наскоро поставил этот указатель с надписью «ТАЛАНИХА. 0,5 км», — приткнул с краю дороги на прежнее место. Даже для того же порядка он обтёр ещё своей широченной ладонью от старой ссохшейся грязи и само название — слово, как известно издревле, всегда означающее счастье, удачу.

А ведь год уже здесь Витька-офицер бывает, но как будто впервые название это услышал, из головы начисто вылетело. Честно говоря, когда жильё покупал, мало и интересовало — не спрашивал. Брал по знакомству, со слов; верный приятель так и сказал напоследок: «Первая деревня от дороги, — и, подняв указательный палец, ещё ссохотнул от души: — и живи как у Христа за пазухой!..»

А между тем сейчас здесь было и на самом деле начало такого в птичьём посвисте утра, когда человеку невольно кажется — кто бы ещё это видел! — что именно от этих маленьких деревянных домиков с крохотными баньками в густой зелёной траве да синего озера-блюдечка, овянных теперь волшебным небесно-золотым светом, и начиналась когда-то сама земная жизнь.

НОЧЬЮ МЕСЯЦ ПЁК

рассказ

Памяти мамы

Летней полночью она вдруг пробудилась от непонятного и яркого, как днём, света, казалось, заполонившего всю избу от самого подполья и до верхушки крыши. С трудом поднялась с кровати и, держась за деревянную переборку, добралась до передней комнаты к окошку.

Даже сквозь тюлевую, пообтрепанную от времени занавеску её едва не оттолкнуло этим световым пучком, точно захотевшим проникнуть в самую человеческую душу. Но, несмотря на преклонный возраст, она по-прежнему была не из робкого десятка и, торопливо перекрестясь, взгляделась через шторку в это диковинное ослепляющее свечение.

Прямоком издалека, от самого Иткольского, над всем бескрайним лесом всё равно что вживую пекло, — настолько беспощадно светило там от зависшего в темени месяца, выглядевшего каким-то болезненно зримым и совсем жёлтым, насквозь прозрачным. Причём вёл себя месяц странно: постоянно двигаясь то влево, то вправо, он внезапно срывался вперёд, играя светом, и вновь так же стремительно возвращался на своё неприкаянное место.

«Месяц-то как разошёлся, — опухнуло хозяйку жилья, когда она вернулась обратно на ещё купленную покойным мужем кровать. — Вовсю пекёт... Может, холодно будет».

И сразу неведомым образом её унесло туда, в пору самого настоящего лютого холода, когда ещё с тремя малолетними сыновьями-погодками им зачастую доводилось даже полуодетыми спасаться зимними вечерами на морозных задворках собственного дома от вечно пребывающего во хмелю хозяина, способного запросто спровадить хоть кого вздумается на вечный покой. Может, потому самый младший как-то настолько крепко простудился, что вскоре незаметно и истаял, а остальные ребятки лишь встали на свои ноги — сразу покинули эти края; и больше о

них не было ни слуху ни духу, даже об отцовской кончине ничего не ведают.

И только мать в родимой до последнего травяного проулка Славянке продолжала неустанно охранять для них свой дом, теперь оставшийся единственно жилым в этой когда-то большой и весёлой деревне.

Между тем сейчас который день всюю парило. Воздух в избе был пугающе тяжёл, не давая толком раздышаться, и в этом мареве всё кругом чудилось сырым и неясным, зыбким. Но даже это не сравнилось бы с той тяжестью, что сызнова в который раз и обрушилась на неё, накрывая удушьющим пологом прошедшего, но никогда забываемого...

В ту пору здесь же, в спальне, лишь на полу, на старых фуфайках, она решительно закрыла своих спящих крошек от взмахнувшего над ними топором своего незабвенного хозяина; и с той минуты, внезапно став блее белого снега, её цыганисто-вьющиеся волосы навсегда сделались длинными неряшливыми нитями, не сразу промываемыми даже речной проточной водой.

«Окстись с богом», — только и сказала она тогда, так посмотрев ему прямо в глаза, что он, хвативший смертельного лиха ещё в армейском прошлом и накрепко, до беспамятства, друживший с горькой, опустил губительное железо и, наверное, впервые для себя отшагнул назад.

Давно, не первый год, это самое железо, оставленное на случай нужды, и пребывает неизменным спутником у её одинокого изголовья: нынче, куда ни ткнись, везде не до покоя, — повсюду случаются лихие люди, не то время нахлынуло.

И в этих некогда светоносных краях, теперь без разбора зарастающих бурьянником да непобедимо дикой крапивой, больше уже никогда не выиграет на всю округу знаменитая кирилловская трёхрядка, всё кругом пошло на ветер.

Незамедлительно, будто в подтверждение этого, из привычного вневременного состояния её чутко вернул обратно какой-то сторожкий и одновременно отчётливо-закононый звук, только это уже было не забытьем, а самой обычной явью. Сейчас там, на избных задворках, что-то безотрывно и осторожно копошилось: может, кто-то чужой в самом деле задумал сотворить что-нибудь неладное с её жилищем?

А тогда с какой стати вторично приносила сю-

да нелёгкая чужих мужиков с какими-то бумагами, пока она, не в шутку осерчав, уже надумала начальству пожаловаться, чтобы неповадно было кому ни попадя соваться куда их не просят?.. И ныне, опять-таки поднявшись с кровати, ей пришлось от греха подальше нашарить в изголовье ту самую поржавевшую, когда-то сокрушительную железку. После чего медленно, шаг за шагом, она двинулась по избе, к выходу на крылечко, не выпуская из рук расхлябанного, отполированного годами топорища.

А закононно-серебристое свечение уже успокоенно, с лунным равнодушием разлилось окрест, безрадостно показывая скудное комнатное убранство вовсе безликим и тусклым, безжизненным. Даже случайный ответ, знобковато скользнувший с улицы в прихожую, где она разнимала литой ржавый крючок с запираемых на ночь дверей, только мимолётно, ровно нехотя, коснулся седой негнущейся женщины в исподнем и с широко расставленными, немигающими глазами.

Зато крупная, лопаткой, завёртка в крытом тесном крыльце отмыкалась запросто и свободно, выказывая взору летнюю улицу — удушающе-глухую и пыльную, давно безлюдную. Здесь, на воле, во всеохватной призрачной темени слегка шелестели березовые листья в палисаднике, а еле угадываемая деревенская дорога была, как всегда, на все стороны тиха и одиноко пустынна.

Привычно, для отпугивания всякого лиха, она сначала обстукала обухом передний угол избы и шагнула было к отводу с покосившимся штакетником, туда, к задворкам дома, но невольно замерла на месте.

Перед глазами разом, едва не вьяве, и встала эта самая улица, кажется, ещё вчера со всей округи заполненная гостями, от души гулявшими от одного края и до другого, — век не забудется. Веселее выборов, даже самих майских праздников, отмечалось лишь главное деревенское торжество — «Девятая», — девятая пятница после Пасхи.

И до самого утра, до первых заполошных петухов гуляющий люд старательно обмахивался одуряющими, сводившими с ума своим нездешним запахом густыми ветками сирени, тогда ещё буйно разросшейся до самого князька их дома, по-хозяйски расположившегося посередке праздничной деревни.

В бледно-серой крепдешиновой юбке и ситцевой, всю расшитой голубыми листочками кофте, и она неожиданно для самой себя в одночасье вылетела на перепляс с закадычными подружками, поначалу долго не решаясь. Но только дошло до дела — и в новых, из парусины, синеньких туфлях, гордо вскинувшись и всплеснув руками, она лихо пошла дробить возле своего цветущего огорода по вытопанной добела тропке.

В теперешнюю пору один лишь Святой Дух и остался тут, а по здешней дороге с двумя десятками нежилых домов заскочит сюда в горку разве что продуктовая автолавка, да ещё раз в неделю сельсоветская «помогалка» покажется: наскоро подсобить немощной женщине по её немудрёному хозяйству. И она, беззвучно шепча родные, спасительные для всякого крещёного слова, открыла заскрипевший отводок и в обход шажками направилась на задворки, хотя с той стороны избы подозрительное копошение уже подзатихло, больше не слышалось.

При дневном свете было бы нелегко двигаться этим огородом: недолго оступиться либо вовсе растянуться — моргнуть не успеешь, захваченный в полон вездесущим сорняком и — в полный рост! — розовыми кустами иван-чая, — он был наподобие ловушки из-за прожорливо вылезших из-под земли многочисленных корней, что повсюду расплзлись заматеревшими длинными шупальцами.

Но она, держась самой стены, обшивки дома, опять же неторопливо обошла громоздкую в темени избу и оказалась у хлева на задворках, откуда тотчас обдало её легкой беглой свежестью: с пустых деревенских полей нанесло.

А ещё под горушкой, в самой низине их огорода, одинёшенько притулилась баня, кособокая и никому не нужная, отрезанная от большой дороги полусгнившим забором из ольхового и берёзового колья.

Бог знает когда и каким ветром были занесены сюда, на задворки дома, летучие семена вишни, рябины и черёмухи с яблонями, но нынче они волшебным образом превратились в небольшой сказочно-живой сад, не только радуя глаз, но и надёжно закрывая дом от любой непогоды.

А рядом, втесную к самой стене, присоединилась ещё ладно выструганная широкая лавка: еле успел хозяин до своего ухода управиться, даже

кустик красной калины подсадил, долго возился.

Потом до последнего дня его самого отчего-то неудержимо тянуло в это нелюдное покойное место, где из знакомой лишь им молчаливой жизни всё одно что насквозь была хорошенько видна вся их округа. И особенно — тот край Пятницкого кладбищенского заворота, где с незапамятных пор покоился по его образу и подобию самый младший, единственно любимый сын, что, не успев толком порадоваться на белом свете, в однократку и свернулся на его руках, навсегда уже вынув отцовскую душу.

Обнесённая сверху и с боков тёсаными досками, эта лавка была ещё уютно обита войлоком и заботливо обустроена для подголовья диванной спинкой, — лучшего места для отдыха и не найти.

«А как у нас дювья-то стало, — даже с какой-то забытой радостью подумалось ей тогда. — Ведь стойно в раю: только бы жить да жить».

Именно с этой вольной райской стороны она однажды в многолетней давности и увидела будущего суженого, разве такое забудется?.. После демобилизации он сразу и появился у них на гулянке, подпало как раз к девятой пятнице после Пасхи.

Из-за реки со своих неблизких иткольских краев, как в той знаменитой песне, он тоже в защитной гимнастёрке и «спустился с горочки»: невысокий и ловкий, в фартовых хромовых сапогах и лихо заломленной военной фуражке на черноволосой голове. А когда ещё с шутками и прибаутками очутился с переплясом в их круге, так взглянул на неё, разом вспыхнувшую в своей ситцевой расшитой кофте, что подружки и сами быстренько уступили место этой не по-деревенски баской паре.

С того самого дня для неё больше не было никого дороже: этому лучшему на свете улыбчивому иткольскому парню из дальней с десятков домов Дорогуши она отдала на всю жизнь весь жар своего молодого и верного девичьего сердца.

В это время сюда к ней, на окрайку дома, заглянула с другого боку неугомонно-прозрачная луна и, наскоро облив всё вокруг холодным светом, вдруг наткнулась на подготовленный костерок: в двух шагах от остановившейся хозяйки был — таковой и немудрено с ходу прозевать в темени.

Оставалось только поднести огонь к умело собранному стожку из нажористого сушняка

да прочего дворового мусора — тогда уже в два счёта было бы тут одно пустое место. Всё говорило о том, что кому-то совсем уже невмоготу понадобилось нынче нарушить это жилище, сровнять его с землёй.

Придя в себя от увиденного, она мёртвой хваткой сжала надежное длинное топорщице и, осмотревшись, изо всех сил прислушалась к любому мало-мальскому шороху. Но долгая, не нарушаемая даже птичьим посвистом подлунная тишина этой зыбкой летней ночи подтвердила, что если кто-то и был в их заулке, то успел быстро и незаметно раствориться в неизвестном направлении, вспугнутый бесстрашной хранительницей дома.

Тогда она, потихоньку отдышавшись, решила, что никуда больше отсюда не денется: несмотря ни на что, будет обязательно находиться в своём огороде хоть до утра, до самого рассвета, сколько понадобится.

И, продолжая всё так же нашёптывать спасительные, столь нужные каждому крещёному слова, она решительно села на хозяйскую лавку, держа крепко-накрепко, как солдат — оружие, своё поржавевшее железо на длинном и тяжёлом топорщице.

В последнее время и без того уже больно много развелось желающих за чужой счёт поживиться — не своё к рукам прибрать; так, сама того не ведая, она, может, и насовсем сумела в этот день отвести неминуемую беду от их осиротевшей, сполна обезлюдевшей Славянки.

А на недосыгаемой высоте загадочно спящего в этот предрассветный час мироздания, не иначе как ей в помощь, на смену уже бойко не пёкшей луне, внезапно светло и ясно распахнулось бездонное небесное покрывало. Торжественно запереливалось на всю округу серебристо вспыхивающими празднично-звёздными иголками.

Где-то далеко внизу, в самой благодатной глубине этого неповторимо светящегося мира, на одной маленькой и вгустую переполненной земле отныне увиделся осяянный уголок и для одинокой женщины в белом одеянии, что с ангельской жертвенностью была готова беззаветно стеречь свой кров от каких бы то ни было несчастий столько дней и ночей, насколько жизненных сил ей было отмерено свыше.

ПОМЯНИ МОЁ СЛОВО

рассказ

Хотя с пустого огорода вдруг сорвался осенний ледяной ветер, он не спешил заходить. Стоял в какой-то рваной фуфайке и, подняв голову, вглядывался в чёрное окно избы. Потом медленно, на ощупь вошёл в дом и с трудом потянул тяжёлую, обитую войлоком дверь: в коридор, опавнув хлебным теплом, вырвался избяной дух.

Но из лунного полусвета передней комнаты никто не показался навстречу, и он, стоя у порога, позвал несмело, тихо, с неуловимой растерянностью:

— Мама...

Ему пришлось ещё раз окликнуть, потому что простоволосая в годах женщина, неслышно появившись, смотрела больше неузнаваемо, чем испуганно, прислонясь к дверному косяку.

— Мама, — с тоской хрипло повторил он. — Это я. Помнишь?

— Бог с тобой, — придя в себя, наконец отозвалась хозяйка, слабо махнув рукой. — Не знаю. Чего тебе надо? Вон возьми хлеба. Да, если хочешь, картошки дам.

— Я не хочу есть, — ответил он уже спокойно и без обиды, понимая, что его принимают за обыкновенного попрошайку. — Мама, это правда я. Неужто не узнала? Я же обещал вернуться и вернулся. Помнишь, как я всё время говорил: «Помяни моё слово»? От тебя и научился.

Женщина снова долго молчала, затем, когда он, не дождавшись ответа, повернулся к двери, спросила неуверенно, как будто что-то припоминая:

— Может, самовар тогда поставить?

Но он уже вышел и, не разбирая дороги, зашёл через огород прочь из этой деревни прямо на бетонку, словно человек, потерявший самое дорогое и ещё толком не знающий, где это могло произойти.

Женщина, оставшись в одиночестве, наклонилась к окну, затем, оглядываясь вокруг себя, по-

додвинулась к застеклённой фотокарточке на стене и, вздохнув, точно после непосильной работы, скрестила руки: «Или совсем из ума выживаю, или взаправду моему парню даже там тошно без матки?.. Видно, пора собираться...»

А он, скоро отшагав в другую сторону километра три, подошёл к лишённому уличного освещения посёлку, угадываемому лишь по обманчивым лунным очертаниям домов, и приблизился к одной из барачных щитовых построек. Ни одна собака не подала голоса и не облаяла чужака, хотя этой породы здесь водилось больше, чем людей.

В это время на крыльце домика, хлопая широкими голенищами сапог, появилась молодая женщина, светловолосая, с капризными припухлыми губами, и, кутаясь в наспех накинутую пальтушку, заторопилась под навес к дровянику. Не доходя до места, она остановилась, тревожно оглядываясь по сторонам и не различая в темени того, кто был рядом и старался оберегать её даже от собственного дыхания.

— И ты не узнала, — с той же затаённой тоской печально прошептал он. — Никто меня сегодня не признаёт. Наверно, потому что темно. Даже сам сначала заблудился. В чужой дом попал да ещё другого человека за мать принял. А почему теперь стало везде темно?

— Да который уж год как по вечерам не дают света. С кого и спросить, не знаем. Как слепые бродим, дальше своего носа не видим, — так, словно она говорила сама с собой, и с каждым мгновением поражаясь этому происшествию, ёжась, неуверенно ответила молодая женщина.

— Ты не беспокойся, — снова осторожно одними губами заговорил он, робко отводя взгляд. — Я ведь, правда, не обижаюсь, что не дождалась меня. А что вышла за него, так это и хорошо: он ведь ещё со школы не спускал с тебя глаз. Понимаешь, сейчас всем трудно, вот он и выпивает иногда. Ты уж не держи на него зла. Главное, он мужик заботливый, не даст тебе с дочкой пропасть. Вот помяни моё слово. Ты только потерпи ещё немного.

— Господи, да что такое творится! — заголова женщина, отступая к крыльцу, и, запнувшись, едва не растянулась. — До чего со своим дураком долаешься — заговариваться начнёшь. Вернись всё головой с этой и

жизнью-то!.. — И она, запамятавав, для чего была на улице, скоро захлопнула за собой дверь: сначала железно скрежетнул крючок, а следом брякнул и засов. Чуть погода быстро и в самой квартире потух свет.

Постояв с поникшей головой, он провёл ладонями по лицу, зябко запахнул свою неказистую бушлатную поддергушку и, ниже надвинув шапку на глаза, выбрался из этого посёлка.

Некоторое время растерянно топтался на развилке двух дорог, после чутко насторожился, видно, услышав наконец одному ему ведомое. И без раздумья, чуть не вприпрыжку припустил к лесу, откуда глухой студёной стеной уже вовсю наносило предзимней стужей. Но он, ничего не замечая, торопился всё скорее и скорее, пока налетевшие порывы вселенского ветра, казалось, внезапно не подхватили его и, завертев в своём гибельном вихре, скрыли из вида.

Одному лишь небу ведомо, как преодолелись два десятка километров за время, равное человеческому вздоху, только в деревню на горюшке он подоспел к сроку, стоя у нужного дома уже из последних сил.

Чуток отдышавшись, он было шагнул к крыльцу, как, поскользнувшись, ничком ткнулся в стылую грязь, а только успел подняться, откуда-то из-под горюшки и появилась машина, шаря перед собою яркими фарами. И тотчас на миг выявилась на нём вся в рваных дырах, будто от выстрелов, какая-то зелёная бушлатная фуфайка и шапка с вмятиной от кокарды и с оторванным ухом.

Неожиданно освещённый с головы до ног, он лишь изумлённо, по-детски приоткрыл в испуге рот и тут же, как вспышка, исчез — скрылся в своём ослепительном свете, ровно никого здесь и не бывало, только отчётливо проявилась светлая дорожка к самому крыльцу.

Машина, остановясь и газуя, выпустила из крытого кузова женщину с сумкой на боку, как у почтальона, и сразу заурчала во тьме. А женщина прошла по светлой тропинке и забарабанила в дверь. Не достучавшись, она торкнулась в коридор, а после привычно вошла и в саму избу.

— Хозяюшка, ты где? — задорно крикнула она. — Дома? Ставь давай самовар на стол! Принимай гостей!

Но никто не откликнулся на её голос. Тогда она заглянула в переднюю комнату и, нашарив включатель, зажгла свет. На старой кровати с железными шариками лежала поверх одеяла женщина. В какой-то застывшей, казалось, тишине ещё медленнее тикали настенные часы, висящие над хозяйкой дома.

— Ты чего это, девка? — удивилась почтальонка. — Зову, зову... Язык, что ли, отнялся? Да у тебя, гляжу, и в избе-то вроде всё выдуло?

Но женщина продолжала молча лежать без движения, хотя по её лицу было ясно, что она всё понимает, что говорится.

— Да что с тобой стряслось-то, тётка Вера? — уже всерьёз стала пугаться почтальонка. — Всё ли хоть ладно-то? Ты чего всё молчишь да молчишь? Не заболела случаем?

Но видя, что хозяйка дома продолжает только неподвижно смотреть перед собой, гостя засуетилась — забегала по комнате в поисках хоть каких-то лекарств, принесла с кухни воды и хотела напоить хозяйку, но всё было напрасно — та продолжала лежать пластом. А вода лишь пролилась на выказавшийся в воротах напольный крестик, и это окончательно довело почтальонку.

— Ведь утром ещё всё слава богу было, — запиричала она, опускаясь на стул. — Господи, и машина-то с рабочими ушла. Знатье бы, дак за врачом успели обернуться... — Покачиваясь на сиденье, она прижала к лицу руки. — Я-то, дура, торопилась, думаю, вот обрадую-то!.. — Тут она оборвала саму себя, огляделась кругом: — Ой, тётка Вера, да я тебе главного не сказала! — Схватив дерматиновую сумку с почтой, она перевернула её вверх дном и, вытряхнув газеты, выхватила полоску серой бумаги. — Тебе ведь телеграмма! Из самой Москвы послали!

По лицу лежащей пошли судороги, и она дёрнулась, как будто под током, после на её щеках появились пятна, а сама она стала постепенно прямо на глазах наливаясь живительным светом.

Скоро женщина, пытаясь открыть рот, прерывисто задышала, поводя глазами из стороны в сторону.

— Счас, счас, — бестолково суетилась почтальонка, разворачивая листок и читая, как человек, недавно обученный грамоте, — по сло-

гам, громко и неуверенно: «Ваш сын нашёлся тчк настоящее время находится излечение городе Москва тчк представлен правительственной наградой тчк Колточник».

— Дождалась, — точь-в-точь эхом донеслось от приподнявшейся на подушке женщины. — Пришел... Господи.

Она говорила словно в забытьи, с перерывами, тяжело дыша и глядя в одну точку перед собой.

— А ведь смертушка моя рядом была... Легла вздремнуть — и не повернуться, руки-ноги отнялись, хотела кого крикнуть, а всё онемело. Чую уж, как и сердце-то еле-еле стучает... — Тётка Вера передохнула, прислонясь к спинке кровати. — И тут вижу, как въяви, летит навстречу мой парень откуда-то издалёка, во рваной фуфайке, стойно арестант какой, и вот чего-то мне кричит, всё зовёт. Слова-то уж больно знакомые, а понять не могу... — Она снова передохнула, хватая воздух открытым ртом. — Только после этой весточки и отлегло немного. А следом ты прибежала в дом. Вот помяни моё слово, скоро и сам, роженое сердце, ступит на родное-то крылечко.

Тётка Вера заплакала было, но сразу остановилась.

— Ой, матушка ты моя, а взаправду выдуло в избе. Давай-ко хоть затопим столбянку. Да и самовар надо вздуть, у самой во рту маковой росинки не было. Поди-ко, надо снова жить, коли такое дело.

И она с трудом сползла на пол. А после, держась за стенки, останавливаясь едва не на каждом шагу, направилась на кухню. Тем временем почтальонка живо растопила печку-столбянку и захлопнула чугунную заслонку.

Вскоре обе женщины сидели за столом и неторопливо с блюдец пили чай. За спиной у них гудело и трещало в печке, а на окошке возле старинного резного комода шевелились цветные ситцевые занавески.

Сама почтальонка перестала то и дело незаметно поглядывать на тётку Веру, и они в который раз уже за вечер дружно изучали телеграмму, обсуждая каждое слово, перебивая друг друга.

А хозяйка, вовсе ожившая после чая, налила по очередной чашке и опять, не утерпев, взялась за бумагу.

— К примеру, сейчас начальник... — Она, не отрываясь, зачем-то стала на свет рассматривать дорогой листик бумаги, и её пальцы беспричинно завзрагивали. — Написано, Колточник который, он только военными верховодит... Или уж над всеми дадена власть?

— Тут, матушка моя, слушай, всё по полочкам разложу... — бойко, как будто дожидаясь именно этого вопроса, наладилась объяснять товарка и для пущей убедительности даже прихлопнула по столу, но, как на грех, сглотнула горячего чая и, обжегшись, в сердцах махнула рукой: — А понеси водяной всех и начальников: я ведь не Свят-Дух и наших-то ребят с ними не крестила.

Обе женщины расхохотались и одновременно, не сговариваясь, скинули с головы на плечи шерстяные платки: в избе к этому времени заметно потеплело.

ЕРПЫЛЬ

рассказ

Памяти бабушки Кати

Он пришёл сюда калёным зимним полднем под большое вьюжное завывание.

Кругом было бесприютно-стыло и мёрзло, пусто отсвечивали дорожные наледи под промороженным огрызком небесного светила, красновато вжатого к самой земле низким и глухим небом. А всеохватные снежные космы в свою очередь, как на привязи, серебристо-прозрачными извивами плавали под крышами задубелых деревенских домов, поддерживаемые трубно гудящим заунывным ветровеем. И где-то головокружительно высоко из космической мрачной теми, словно в какое-то наказание, изредка вбрасывало к нам сюда немереными гулкими ударами, кем-то вгонявшим в самое нутро земной тверди всё, находящееся под суровой небесной опекой.

Но, перекрывая этот вселенский разгул, совсем уже неведомо из какой и где уживаемой бездны нет-нет и пронзало оловянное пространство надмирным и сиротским плачем незримого малютки, вековечно и одиноко страдающего по обычному, никогда неизбывному участию, нашему теплу.

И вот посреди такого неистовства, поперёк серёдки этой жизни, он долго вглядывался то в одну, то в другую беспросветную сторону, стараясь угадать, определить нахождение того самого фонарного столба с самодельным алюминиевым абажуром, всегда брякотавшим, с утра и до вечера задиристо настукивающим от любого неказистого ветерка. И на новенькую сосновую верхотуру которого он ещё с мальчишеским бесстрашием единственный из всех и взбирался тогда на проволочных ненадёжных креплениях, вообразив себя монтажником-высотником. И откуда, осветив насовсем, однажды ему открылся вдруг во всей красе, казалось, весь мир — недосыгаемо-небесный и одновременно убажаемый, с нескончаемым лучистым днём.

Но кажется, что его нынче окружило, не с той стороны вывело куда надо: рядом с его детской абажурной памятью всегда бок о бок, надёжно и защищено, стоял как впаянный ещё вросший в землю родовой бабкин дом — с места не стронешь. А теперь вместо этого перед глазами, залепляемыми снегом, лишь несдвигаемой юлой крутило что-то белесо-неосязаемое, стремительное, как будто нарочно не давая хода туда, куда его так неудержимо тянуло.

Только он вскоре хоть неуверенно, но опознал своё безлюдное местопребывание и, пригибаясь, двинулся насквозь продувае-

мой улицей, краем павловского огорода с его горбатым, алебастрово отполированным сугробом, и, держась малозаметной заячьей тропы, в сторону самого Пятницкого озера.

А оттуда, из-под голой горушки, безнаказанной ракетной стеной взмывали в высоту свистяще-снеговые густые потоки, либо уже замерзавшие на лету, а может, и на раз поглощаемые кем-то невидимо-яростным, заполонившим всё на этом лобном деревенском юру, точно на последнем жизненном круге.

Неужели вправду было, что когда-то одним летним вечером ему довелось идти отсюда, с ночного костра, в ту пору ещё скликавшего со всей округи позубоскалить на пару-другую часов устосавшуюся, за день до одури нарабо-тавшуюся молодяжку? Знаемо ли теперь кому-нибудь это время?..

Тогда ещё в густом соловьином воздухе тусклые искры пожара светлячками перемигивались у озера, а в береговых сырых кустах без устали кричала какая-то ночная птица — может, потерявшись, либо вовсе накликающая кому-то неминуемую беду?.. Но близ его широкого плеча на провожаемой тропинке была та самая приезжая ферापонтовская гостыя в голубенькой кофточке, рядом с которой он, известный всей округе своей зимогористой непоседливостью, сразу стал настолько другим, что не только не осмелился на неё взглянуть, даже не в силах был связать двух самых обычных слов...

А она, отчего-то зябко кутаясь в свою душистую кофточку, всю дорогу как-то виновато молчала, думая о своём, ровно никого не было рядом. Но потом тихонько, точь-в-точь говоря себе самой, то ли напела, то ли просто нашептала еле угадываемое слухом: «А ты всё спрашиваешь меня: люблю ли тебя?..»

Неизвестно, к кому уже относились произнесённые наподобие молитвы слова, прозвучавшие тем навсегда незабываемым вечером: то была их первая и последняя встреча. Наутро она неожиданно исчезла обратно в свои городские края, даже ни с кем не попрощавшись. И до сих дней необъяснимо, какая тайна заставила тогда раз и навсегда умчаться отсюда эту совсем странную, говорившую сама с собой городскую гостью?..

Но зато его самого, в поисках лучшей доли

жившего в северном промороженно-шахтёрском месте, с тех пор ещё настырней и безудержней манило сюда в слабой надежде хотя бы однажды встретиться взглядом с той не приснившейся ему молчаливой спутницей на соловьиной тропинке их далёкой и необратной юности.

С годами это чувство стало глуше и реже напоминать об удивительной жизни в бабкинском доме, заменившем родительский, и какого ещё нигде не бывало и больше никогда не будет. Хотя сам он уже давно немало времени не переступал его порог, незаметно выросши из вчерашнего зелёного юнца в разворотистого представителя сегодняшнего дня с натуралистичным, почти немигающим взглядом. И, не дотянув с целый десяток лет до христового возраста, умудрился с головой окунуться в иные одному ему знаемые радости, отвернувшие его принудительно надолго даже от мысли о спасительной дороге к самому светлому на свете уголку.

Только одно он всегда знал твёрдо: случись в этой жизни невозможное, и небеса сами собой разверзнутся, следом ещё земля уйдёт из-под ног, а всё окружающее и вовсе валом провалится в преисподнюю, — то кто высшую волю переволюит?.. Но и тогда, успеет ли он чудодейственным образом оказаться в здешнем краю, в любое время дня и ночи на дощатом кухонном столе его обязательно будут ждать прикрытые газетой воздушные умопомрачительные тоболки — пышные ноздреватые пироги вдобавку с горячим душистым чаем, настоящим на лесных травах его вечно родной и улыбочивой, всё понимающей бабкой.

А крытая простым тёсом бабкина изба на самом деле через какие-то сотни шагов словно бы его дожидалась, внезапно возникнув у самой дороги, хоть рукой дотрагивайся. Вплотную, едва не по самые окна занесённая подсинённо-обледенелым крошевом, стояла она, только и выказав на всегдашнюю особицу высокое крутое крыльцо с покосившимися сосновыми перилами.

Гологоловый, укрывшийся от неистовавшей круговерти под капюшонистым воротником новомодно-красной куртки, он сначала даже не поверил глазам, неожиданно обнаружив, что её входные двери были как бы показатель-

но внахлѣст перекрыты парой длинных берѣзовых палок, а на медной дверной ручке висѣмя висел — основательно пристроился — амбарный чѣрный замок.

Из нутра линиялых и стылых оконных рам, фигурно облепленных мѣрзлом неживыми узорами, веяло леденящей пустотой, а сами они чудились привнесѣнными из какой-то одинокой и страшной, уже непоправимой сказки, отныне чудовищно обратившейся в непредсказуемую жуткую действительность. И только теперь всё увиденное сошлось — окончательно стало в нём той самой правдой, от которой никому и никогда не удастся и в землю уйти, и на небо взлезть — никуда больше не деться.

Между тем столетняя стѣна, вытягивая живую душу на волю, настолько недвижимо сковала его самого, будто уже единично определяя те последние уготованные минуты, что означены любому и каждому лишь по особой разрядке свѣше. В это время, едва не задев, мимо него ещё не попускаемо и пронеслось подобием шаровой молнии нечто снежно-непонятное, адски ухнувшее внутри вьюжного, спрессованно-злого клубка, и скрылось в конце Яшкиной улицы.

А разве когда-то не от того самого заулка дядиного дома с резным забором было выбегано бесчѣтно раз этой тропкой на купанье к знойному берегу для тогдашней ребятни ещё самого синего на свѣте их Пятницкого озера?.. И видел ли в другом разе кто-нибудь из его ровни это самое место нынешним — безнадежно заснеженным, от края до края сровнявшимся с мутным невидимым горизонтом, с неизменной беспощадностью и завершающим во время оное всякие земные пути?

И откуда тогда не шутя, а взаболъ взялось на ум, что наглухо закрѣщенные входные бабкины двери являются отныне определением последней человеческой дороги на этом свѣте? А если перед ней, и без того вечно страдавшей глазами, скажем, однажды просто взяли и распахнулись двери дядькиного дома с этим резным забором, ведь без веры любая жизнь мертва.

Сколько помнится, всю дорогу её, несговорчивую, и так постоянно зазывали к своим да нашим перебраться — всё лучше, чем у себя в одиночку маяться, — всего-то надо было через

две избы в этом ряду перейти. А по-другому не могло бы стать: даже ему, бабкиному гостю, разве тоже не были, как родному, всегда рады?..

Кажется, ничего с той поры не изменилось в этом доме: так же в щелевато-продуваемом коридоре поблескивающе мерцали на настенной полке стеклянные банки, и резко отдавало слежалостью от старой конской упряжи, приткнувшейся возле рукодельного громоздкого шкафа. И, торопливо шагнув коридорным затхлым входом, он, безотчѣтно запнувшись, затем без стука отворил тяжѣлую филенчатую дверину.

А хозяйка всё равно что не отходили от своего порога: стояли друг подле друга в полутѣмной прихожей и, молча глядя на вошедшего, спокойно ждали, когда тот заговорит, — какое-то слово скажет. Но первой не выдержала хозяйка: тѣтка уже хорошенъко состарилась и, перевитая в пояснице полушалком, была неповоротливо низка, подслеповато шурилась широким добрым лицом в изведѣнных глубоких морщинах.

— Ой, ты, батюшко рожонный, — угадываемо повглядевшись, нараспев выводила она, покачивая головой. — Да откуда Господь-то тебя в наши края сподобил, ведь кругом белого свѣта не видать!..

— Вышло так, по пути было, — простуженно-хриплым голосом неопределѣнно отозвался гость, неотрывно глядя перед собой. — Надо, чтоб сразу сюда и обратно было, — невразумительно повторил он, продолжая напряжѣнно-выжидательно, не моргая, смотреть на дверной проѣм в большую комнату.

Но сам хозяин — дядька оказался ещё скор на ногу — уже вовсю шуродил: без лишних слов вызволил из русской печки утрешнее варево, а на кухонном столе рядом с горкой хлеба в цветастой тарелке появился и внушительно-гранѣный стакан с пакетным, свежезаваренным чаем. Сквозь оконную застиранную занавеску блѣкло пробивало уличным свѣтом, по-домашнему отражавшимся на электрически-блескучем самоварчике с дутыми боками и уютно выказывавшем гнутый стул с жѣлтой полированной спинкой.

— Соловья баснями не кормят, — по сохранившейся крикливой привычке ещё с работы

на скотном дворе ершисто, громко вразумил дядька на кухонном кутке подоспевшую хозяйку. И в том же голосистом духе без всякого передыха уже досталось самому гостю, отчего-то оставшемуся на месте: — Прошу к нашему шалашу! В ногах правды нет!

Но он сразу осёкся, недоумённо повернувшись к хозяйке, только что руками по привычке не развёл. Хотя все глаза прогляди, но спервозазку не признавался на свету в этом смуглом бровастом парне в рубашке с оторванной пуговицей тот знаемый с детских лет их сегодняшний гость, впригибку шагнувший на крохотную кухню с подкапывающим в углу умывальником.

Вдобавок ещё у него на руке между указательным и средним пальцем было изображение: нашлось место пяти заметно выколотым фиолетовым точкам, означающим пребывание в местах не столь отдалённых. Кому-то у нас нынче по-другому думается?.. А от виска к щеке у него ломано скользнул — оказался и свежим — шрам, невольно подталкивающий любого к безрадостной уважительности при виде коротковолосого обладателя этой буйной головушки на крепко развёрнутых плечах.

— Было дело, — понимающе усмехнулся он, перехватив невольный взгляд домашних, а потом с неосторожной размашистостью оказался на гнупом, угрожающе скрипнувшем стуле и для чего-то ещё раздельно выговорил: — Было дело под Полтавой. — После уже медленно, неторопливо обглядев тесное кухонное пространство, он даже с каким-то негромким удивлением немногословно заключил: — Надо же, правда, как тогда всё осталось. — И, словно удостоверившись в правоте сказанного, вновь осмотрелся кругом, но уже наскоро, с цепким запоминанием.

И вдруг его взгляд, казалось, остекленел, сделался совсем безжизненно-отрешённым. Среди старых выцветших карточек, давно прикрепленных по всей стене, с самого края была заботливо вставлена ещё одна. С простенькой деревянной рамки, светло улыбаясь из какой-то другой солнечной жизни, на него в пёстрой летней кофте смотрела во все глаза его навеки молодая бабка в своём любимом, ловко повязанном ситцевом платке.

Но он, всё одно ещё не веря, обернулся, вскинулся сгоряча в сторону жилой комнаты: там, рядом с хозяйской половиной, помнится, всегда соседствовал домашний закуток, ожидаемо представлявшийся местом заслуженного бабкиного отдыха, — лучшего бы не придумать. А хозяйка, лишь вздохнув, поправила на столе клеёнку с выставшей едой, понимающе покивала:

— Который год, батюшко, на иткольском кладбище лежит. Наш век невелик, бабьи города не строятся, — и, помолчав, тихо досказала: — В Крещение горемычная и преставилась у нас здесь: хоть не намучилась — и то слава богу...

— Хотя бы дома тогда оглядеться, — после этого выдал из себя заметно побледневший гость и, не притронувшись к угощению, лишь наскоро сделал несколько чайных глотков, всё ещё ищуще оглядываясь по сторонам. Вслед за тем, выпрямившись во весь рост, он размашисто шагнул опять в прихожую и уже оттуда в наспех накинутой капюшонистой куртке решённо-просительно договорил: — Мне бы там всё увидеть надо.

— А от тех ворот давно поворот, — скороговористо отмахнулся молчавший доселе дядька, едва поспевая за ним следом. — Больше ноги нашей там не бывать: давно всё продано да другим отдано, — говорливо сверлил он своего безмолвного слушателя ещё зорко глядящими глазами-буравчиками из-под лохмато-треугольных стоячих бровей.

Но его обычная разгонистость была прервана тёткой, успевшей позади беззвучно, одними губами отчитать того за лишнюю языкастость, пока она следом семенила за вовсе сменившимся с лица и лишь кивком головы простившимся гостем.

А напоследок ещё входная дверь, настезь распахнутая от неудержимо-ветрового выхлеста, пружинисто захлопнулась с обратной припечаткой, оставив её, простоволосую, на вьюжном крыльце в одной домашней безрукавке. И тогда, захлёбываясь от сносящей с ног непогоды, боясь, что не доскажется самое нужное, она захваталась из последних сил за рукав ухнувшего — ступившего в снеговину путника:

— Не небо ли с землёй смешалось, Господи,

— задыхалась тётка, не успевая как следует выговорить. — Батюшко, ведь ждала она тебя, слышишь, — качала она головой с путающимися на гудящем ветре седыми длинными волосами. — До последнего дня, рожоный мой, одного тебя звала...

Только её слова, летуче подхваченные вовсю разошедшимся уличным бесчинством, думалось, уже окончательно поглотили и остальное кругом, а заодно, походя, смахнули позёмкой и остатные следы недавнего гостя, будто растворившегося за пилёными зубцами их огорода.

А для него, закалившегося в знаменитом шахтёрском посёлке с названием, что у металла серебристо-белого цвета, не тускневшего на воздухе, разве могло ещё быть какое-то препятствие на пути к самому дорогому и невозвратному, чуемому им в последнее время как во сне, так и наяву.

И ему, вскоре безоглядно оказавшемуся за деревней на дороге в сторону последнего бабкиного упокоения, где только ангелы ходят рядом с невидимыми людьми, не могло уже быть важным, почему это ветер, небось, почище самого демона и бьёт сегодня в лицо, а вчера он дул в спину.

Кровь из носу, но ему нужно было хоть по воздуху, да преодолеть это невзъёмное ныне трёхверстное расстояние от озёрного берега и

до останков иткольской кладбищенской часовни, прямо к неприметному родимому бугорку, где ночь и звёзды, птицы и травы, насекомые и деревья, — это всё соседи и друзья, постоянные спутники и собеседники, и где уже никому не следует искать понимания. И где у вечного молитвенного креста можно просто броситься в ноги в искренней надежде услышать готовной душой чьё-то тихое прощение, милосердно и дарующее дивно-благодатный покой, пусть даже на один сердечный стук, хоть ненадолго.

Неизвестно, как стало дальше с его неприкаянной душой, но после этого уже никто не видал его в этих краях. Может, человеку вовсе обрыдло — не захотелось больше показываться во враз ставшем для него навсегда чужим месте. Только одному лишь его ангелу-хранителю было ведомо, что загнанный в пятый угол ерпыль, — так здесь издавна прозывали любую непоседливую натуру, — потому и сунулся сюда, что больше уже нигде и никогда его так не любили на всём свете.

□

Александр Александрович ЦЫГАНОВ

родился в 1955 году в Вологодской области в д. Блиново.

Окончил филологический факультет

Вологодского педагогического института.

Автор ряда прозаических книг,

печатается в центральных издательствах страны,

в том числе в Северо-Западном книжном издательстве,

«Молодой гвардии».

Первая публикация состоялась в 1984 году в журнале «Север».

Лауреат литературных премий МВД СССР и МВД РФ,

Государственной премии Вологодской области по литературе,

Международной премии «Филантроп».

Член Союза писателей России.

